

*Все события являются
выдуманнами, все совпаде-
ния случайны*

Никогда не знаешь, где
найдешь, где потеряешь

НИНА

Тихое «тик» изящной стрелки старых часов отозвалось в голове набатом. Еще один час жизни, проведенный в неизвестности и смертельной тревоге. Он ведь никогда не возвращался домой так поздно.

Через час начнет светать. Даже напившись и опасаясь ее гнева, Валера всегда приходил домой до полуночи, но сегодня все было по-другому. Она это чувствовала — пресловутое материнское чутье.

Едва часы мелодично отпраздновали окончание еще одного часа, она достала потрепанный телефонный справочник, подняла трубку старомодного телефона и набрала номер первой больницы. Ожидая ответа, она не сводила глаз с портрета, перевязанного траурной лентой. Оттуда на Нину смотрел с укоризной серьезный мужчина средних лет. Протокольная фотография, даже близко не напоминающая оригинал. В миллионный раз она задавала своему молчаливому собеседнику один и тот же,

набивший оскомину и иссушивший душу, вопрос: почему?

Почему их обычная, ничем не примечательная жизнь, заполненная до краев тихим счастьем, в один день развалилась и ухнула в пропасть? Почему так вышло, что их единственный, желанный и горячо любимый сын стал трудным подростком? А она, отдавшая ему всю себя, не смогла с этим справиться? Почему рядом не оказалось крепкой руки отца и надежного плеча мужа? Чем они прогневили высшие силы, что те направили навстречу серьезному мужчине, теперь навсегда застывшему на порте, грузовик с уставшим водителем за рулем?

На все эти «почему» у портрета не было ответов. Нина с трудом, но пережила боль от ухода единственной любви и смирилась с потерей. После двух месяцев в неврологии и долгих лет походов по специалистам она продолжила жить с половиной сердца. Но с чем она так и не смогла смириться, так это с тем, что ее мальчик ломает себе жизнь, а она, Нина, ничего не может с этим сделать.

Больницы одна за другой сообщали, что к ним не поступал шестнадцатилетний Валерий Мальцев. Поговорив с уставшей дежурной по последнему номеру в списке, Нина повесила трубку и некоторое время сидела молча на табуретке, сложив на коленях руки с коротко подстриженными чистыми ногтями. Затем сорвалась с места и направилась к небольшой

кладовке за пылесосом. Часы показывали половину пятого утра. Завтра обязательно надо будет извиниться перед соседями и попытаться им все объяснить. Хотя и объяснять ничего не надо. Все в курсе проблем, ведь половина жителей района в свое время прошла через ее учительские руки. Нина знала, что люди ей сочувствуют, жалеют. И стараются держаться от нее подальше, как от прокаженной.

Пропылесосив в четвертый раз за сутки небольшую двухкомнатную квартиру, в которую они переехали после смерти Сережи, Нина вымыла полы и смахнула несуществующую пыль. Стрелка щелкнула, просигнализовав пять утра. Дальше тянуть не имело смысла.

Дрожащей рукой Нина нашла в справочнике номер городского морга и, прослушав длинные гудки, спросила у наконец ответившего дежурного, не поступал ли к ним шестнадцатилетний мальчик. Услышав ответ, как-то разом обмякла и чуть не упала со стула. Поблагодарив уставшего санитаря, Нина тут же набрала номер полиции и попыталась заявить о пропаже сына. К сожалению, в отделении слишком хорошо знали Валеру Мальцева, чтобы отнестись к ее заявлению с должным вниманием и сочувствием. За последние два года у сына было уже несколько приводов — два за драку, один за мелкое воровство и еще один за вандализм. Сказали перезвонить, если не вернется через трое суток.

Нина не справлялась. Чувствовала себя не ловкой наездницей, чья лошадь понесла, вырвав из рук поводья. Подумав, не убрать ли ей еще раз и без того вычищенную до блеска квартиру, Нина решила пощадить соседей. Она встала со стула и в очередной раз прошла в комнату Валеры, стараясь не смотреть в большое зеркало, которое когда-то сама повесила при входе. В последнее время она вообще старалась не смотреть в зеркала, понимая, что ее время прошло. Сорок восемь лет. Еще чуть-чуть, и отпразднует полувековой юбилей. Впрочем, кого обманывать? Праздновать она его совершенно точно не будет.

Комната Валеры выглядела аскетично — кровать под серым казарменным одеялом, которое подарил отец. Одеяло вытерлось, и белые проплешины грозили превратиться в дыры, но Валера не желал с ним расставаться, а она и не настаивала. Старый лакированный шифоньер, чьи дверцы держались исключительно благодаря крепкому замку. Письменный стол, потертый жизнью и небрежным Валериным отношением. И книжные полки. Раньше Валера читал взапой, но после смерти Сережи не прикоснулся ни к одной книге. Постер с Led Zeppelin. Потертые желтые обои, скромная тканевая люстра и небольшая лампа на столе. У ее сына не было дорогих вещей и милых сердцу безделушек. У него не было увлечений и интересов...

Додумать Нина не успела. За входной дверью раздался шум, и кто-то безуспешно попытался вставить ключ в замок. В два шага преодолев крошечную комнату и коридор, Нина распахнула входную дверь. Валера едва стоял на ногах.

— Доброе утро, — с трудом ворочая языком, поздоровался он и, пройдя мимо матери прямо в ботинках, направился в свою комнату. Нина решила не акцентировать внимание на мелочах, бросилась за сыном, схватила за руку.

— Где ты был? — дрожащим от слез голосом спросила она и, выдохнув, сдулась, словно воздушный шарик, из которого резко выпустили воздух.

Жив. Слава богу, жив!

— В школе, — Валера вырвал руку у матери и рухнул на кровать.

— В школе? — тупо переспросила Нина и сделала несколько шагов по направлению к сыну. Принюхалась, но тонкий учительский нюх не уловил запаха алкоголя. Неужели он курил траву? Как это понять?

— Мама, нам давали вкусные персики на завтрак, я поеду на «КамАЗе», но кружится голова.

— Валерочка, что ты такое говоришь? Что с тобой? Тебе плохо? Где ты был? — залопотала Нина, присаживаясь на кровать и стараясь говорить ласково и доброжелательно, как когда-то советовал ей психолог. Ей, учительнице с двад-

цатипятилетним стажем, понадобился психолог, чтобы общаться с собственным сыном!

Жизнь большая шутница.

Валера не ответил. Нина протянула руку и вдруг услышала тоненький свист. Сын спал.

Стащив с него ботинки и накрыв одеялом, Нина тихонечко вышла из комнаты и не сомкнула глаз до утра. От радости, что жив.

* * *

— Наркотическое опьянение, — фыркнула Светка, в четвертый раз за последние десять минут перекладывая медицинские карты с одного места на другое и с жалостью глядя на подругу, которая, съжившись, сидела на стуле. За что на долю одного человека выпадает столько несчастий? Не будь она врачом, наверное, задавала бы себе этот вопрос каждый день. Но здоровый цинизм заставлял трезво смотреть на мир и искать немедленное решение проблем.

— Откуда ты знаешь? — прошептала Нина, сгорбившись еще больше. Стала похожей на птицу, которой жизнь обломала крылья.

Старомодное платье идеально отутюжено, тщательно забранные волосы, туфли, подкрашенные на носках. В этом вся Нина — любой ценой показать хорошую картинку, даже если туфли разваливаются, а платье давно морально устарело, она все равно постарается придать им товарный вид.

— Знаю, — отрезала Светка.

Встав из-за стола, она подошла к подруге и присела рядом на кушетку, слегка скрипнувшую под корпулентной фигурой. Она была похожа на сдобную булочку — пышная, мягкая, манящая глубокой ложбинкой груди и яркими камнями в ушах и на пальцах. Светка поправила блондинистую прядь и принялась перечислять:

— Сонливость, вялость, замедленная реакция, спутанность сознания, головокружение?

Нина еще ниже опустила голову. Светка положила руку ей на плечо и ласково погладила.

— Ладно, не дрейфь, подруга, пока он у тебя в подворотне от передоза не корчится, надежда есть. Крепкая мужская рука и смена компании все исправят.

Вместо ответа Нина разрыдалась. Горько и безнадежно, подвывая и захлебываясь слезами. Светке пришлось даже несколько раз шикнуть на нетерпеливых пациентов, ожидающих своей очереди и время от времени заглядывающих в кабинет, чтобы выразить недовольство.

— Женщине плохо, — цедила сквозь зубы Светка и, едва дверь закрывалась, снова привлекала к себе подругу и подставляла мягкое плечо.

Халат промок насквозь. Кажется, она впервые видела Нину плачущей с того момента, как умер Сережа. Даже на похоронах та не плакала, держалась «ради Валерочки». Светка всегда завидовала нервной системе подруги и ее способ-

ности спокойно сносить удары судьбы и учеников-идиотов.

Когда все слезы были выплаканы, Нина решительно вытерла покрасневшие глаза, навсегда утратившие блеск еще пять лет тому назад, и робко предположила:

— Я поведу его к врачу.

— Господи, — закатила глаза Светка и, подойдя к столу, достала из ящика бутылку коньяка, преподнесенную одним из благодарных пациентов. И хотя бутылки и конфеты ее раздражали (лучше бы колбасы принесли, ей-богу), сейчас подношение было кстати. Она плеснула коньяка в граненый стакан и, вернувшись к подруге, сунула ей в руки.

— Пей! — сурово приказала она.

— Да нет, ты что, — слабо запротестовала Нина, но Светка умела быть настойчивой. Сунула стакан в руку и поднесла к губам. Нина повиновалась, как обычно. Сделала глоток и закашлялась.

— А теперь слушай сюда, подруга, — начала Светка, в один момент превратившись в Светлану Михайловну Мухину, легендарную заведующую отделением неврологии первой городской больницы, — ни к какому наркологу Валерка не пойдет. Он даже к психологу идти отказался. Наркомания — это не алкоголизм, который может тянуться годами и волшебным образом закончиться, когда клиент увидит чертей или крокодилов. Ты понимаешь, что доста-

точно одной неудачной инъекции и ты останешься не только без мужа, но и без сына?

Глаза Нины наполнились слезами, но Светка вновь сунула подруге под нос стакан:

— Хватит слезы лить, потом поплачешь, когда сына вытащишь. Валерка школу прогуливает — ты сама говорила, связался с компанией неподходящей, тебя ни в грош не ставит, и как ты с этим собираешься бороться?

— Не знаю, — прошептала Нина. И в этом кротком «не знаю» заключалась вся трагедия ее жизни.

— Мужик нужен, крепкий, такой, чтобы, если что, и подзатыльник дал, и к делу приставил.

— Но Сережа... — прошептала Нина.

— Сережа умер, — жестко отрезала Светка, — ему уже никакие проблемы не грозят в отличие от тебя. Ищи себе другого Сережу, подруга. Мы не в девятнадцатом веке, чтобы сохнуть по почившему возлюбленному.

— Да что ты такое говоришь! — попробовала возмутиться Нина, но Светлана Михайловна метнула в нее взгляд, убивший на корню все ее возражения.

— Где же я его возьму? — вздохнула Нина. — У нас в школе два мужика. Один только университет окончил, а второй еле ноги волочит. И оба женаты.

— В школе твоей только геморрой можно высидеть. Нужно идти в брачное агентство за иностранцем. Найдешь себе какого-нибудь

крепенького ковбоя, увезешь Валерку, а там новый папочка его быстро в чувство приведет.

— Как я могу уехать на край света к совершенно незнакомому человеку? — обалдело спросила Нина.

Конечно, время от времени мысль об устройстве личной жизни мелькала у нее в голове, уж очень страшной была перспектива грядущего одиночества. Но Нина тут же прогоняла ее. Сорок восемь лет, все краски выцвели, кому она нужна?

— Ну, или незнакомый ковбой в Америке, или сын в канаве. Выбора у тебя в общем-то нет, — пожалала плечами Светка, с удивлением глядя, как непьющая Нина залпом выпивает коньяк до дна.

БОГДАНА

— Мам, ну ты представляешь, Валька врет и не краснеет! Говорит, ей этот ее Ашот подарил кольцо с бриллиантом! Видела бы ты то кольцо, желтое, ну сразу же видно — Турция, а того бриллианта, прости господи, без очков и не увидишь. И вообще, может, это даже не бриллиант, а цирконий или стекляшка. А так в нос тыкала, будто он ей кольцо английской королевы подарил!

Богдана шумно отхлебнула из огромной кружки щедро сдобренный сахаром черный чай. На просторной кухне новой квартиры,

в которую они с мужем переехали два года тому назад при помощи матери, которая работала в областной администрации, витали умопомрачительные запахи. Мама готовила обед — она приходила три раза в неделю и снабжала их едой: варила вкусные борщи, наваристые супы, ароматные рассольники, обязательно запекала мясо или птицу и оставляла пару гарниров, которые после рабочего дня Богдана могла просто разогреть и накормить всю семью.

Полгода тому назад Людмила Степановна купила дочери точку на городском вещевом рынке. Та сопротивлялась как могла, но мать настояла, чтобы Богдана занялась торговлей. Взамен женщина сгоряча пообещала, что поможет ей по хозяйству.

Дочка тут же радостно ухватилась за ее предложение (И в кого такая пошла? В их роду все были трудолюбивые, пахали с утра до вечера. Это точно в родню папаши-козла), поэтому теперь Людмиле Степановне приходилось отрываться от собственных дел и ездить через весь город, чтобы семья дочери не умерла с голоду.

— Ну и что? — фыркнула мать. — Вальке твоей хоть что-то подарили, бриллиант или цирконий, это дело такое. А ты что? Твой тебе разве что три паршивые гвоздички сегодня притащит, и то, если повезет.

— Ну мама, — капризно потянула дочь, с громким хлопом допила чай и, оставив кружку в сторону, направилась к холодильнику.